

Александр Малышев

Демон в Деревне

Александр Малышев

Демон в Деревне

<https://litres.ru/74643839>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухой деревне тьма подбирается к людям, питаясь страхом и виной. Дима и отец Михаил пытаются спасти Настю от демона, который требует её ребёнка — будущего разрушителя мира. Цена спасения невыносима, и единственный шанс — заключить договор с самим злом. История о том, как верность и поддержка становятся последней стеной против тьмы.

Александр Малышев

Демон в Деревне

Глава 1 Демон

Меня зовут Дима, мне двадцать, и я живу в деревне. Деревня как деревня: улица одна, до ближайшего города — сорок минут на автобусе, который ходит два раза в день и который мы ласково называем «пазик». В центре стоит церковь — деревянная, старая, покосившаяся чуть-чуть, но не упавшая, как и всё у нас. Мы туда ходим исповедоваться, крестить детей, отпевать покойников — ну, обычное дело, так сказать. И изгонять демонов. да, вот так просто. Не смейтесь: у нас в деревне до сих пор так считают, что если человек «не свой» — это не к психиатру, а к отцу Михаилу.

Сам отец Михаил — человек загадочный. Сам приезжий, не у нас родился. Он говорил, что работал в городе и неплохо там работал — а что именно, никто не знает, потому что спрашивать его никто не решался. Решил найти тихое место для старости — и нашёл. Наша деревня как раз идеальный вариант: тишина, покой, люди простые, проблемы простые. Так он и жил среди нас, спокойный, с посохом... нет, не посохом — с посохом ходят монахи и волшебники, а у него была простая палка-посох, которую он называет «посохом» только потому, что он ей опирается. Он и крест носил не золотой, а железный, простой, кованый — прадедовский.

Он говорил: «Слышь, парень, железо честнее золота». Только сейчас я понимаю, что, может быть, он не просто так это говорил.

Так вот, меня зовут Дима, я двадцать, и я тут живу. Расскажу одну историю о том, что произошло у меня в дереве?. Я не чтобы прославить её — просто, может, кому-то пригодится. Так, чтобы, прочитав, люди знали: не всякая тишина — это покой, не всякое молчание добавляет.

И сама история начнётся с местного алкаша Васьки. Ваську мы постоянно находим: то в канаве, то возле забора, то ещё в каких-то странных местах.

Путешественник, блин. «Ну и чё мы его забираем и лечим», — вздыхает тётя Зина, но забираем и лечим. Один он, никого нет, без меня он давно бы уже того самого, но я держу его. Ну как «держу» — прихожу, ставлю его на ноги, тащу до дома, иногда качаю голову вместе с остальными, но прихожу. Почему я это делаю? А потому что когда-то, лет десять назад, его жену хоронили — помните ли вы, что-то сын? или как-то то — я, пацан ещё был, смотрел на него в зале прощания, и он стоял, как столб, и плакал не слезами, плакал, как плачут люди, которых оставили. Как люди, которых оставили в этом мире одних. С того дня я его и таскаю из канав. Он этого не просил. Он, может, горя не вспоминает про это. Но я помню, и всё тут.

И он всё пьёт и пьёт — уже железобетонная привычка. И в один момент он просто перестал выходить на свет. То есть

ни на улицу, ни к колодцу, ни к лавке: заперся дома, никого не пускает. К нему приходили, стучали, звали по имени — тишина. даже отца Михаила звали — тоже не открыл, послал на три буквы. Тот развёл руками, перекрестился и сказал: «Ну, утоплю его». Мы посмеялись. Ну, так-то смешно, ладно, не суть.

А потом, дня через три после того как он пропал, — все думали, он подох там, всё, отыгрался. Но нет: живой.

Вышел. И начал вести себя странно.

От солнца прятался. Идёт по улице — и всё норовит в тень забежать: за забор, под крону у старой берёзы, вдоль стен домов. Словно солнце его жгло, а тень — родная. Ходил странно, не как все: косолапил, переставлял ноги, будто учился заново, хотя раньше за ним такого не водилось — мужик как мужик, хоть и пьющий. И — главное — пить бросил. Совсем. Не «решил взять себя в руки», не «дал зарок с понедельника», а просто раз — и всё, будто выключили.

Его кореш Слава, собутыльник его, прибежал ко мне первый. Стоит на пороге, мнётся, кепку в руках крутит, глазами клёпает:

— Димон, так Васька не пьёт теперь. Завязал. Как быть, Димон?

И смотрит на меня своими пьяными глазами — а в них не радость, а растерянность. Как будто человек всю жизнь ходил по одной тропе, а тропы не стало. — А чё я сделаю? — говорю. — Завязал человек — и хорошо. Ему и пора. Он вы-

глядит, будто ему пятьдесят, а ему всего тридцать. Ну понятно, что его довёл тот случай, горе там... Но так бывает. Надо исправляться. Кореш так и ушёл — недоуменный, скребёт затылок. А я дома сидел и думал: что-то тут не то. Не так бросают пить пьяницы. Так бросают жить.

А потом мне святой Михаил сам рассказывал — мы у церкви стояли, он дрова колол, как всегда, неспешно — о том, как Вася вёл себя при нём. Все в деревне видели нового Васю, все радовались: «Бросил-таки, слава богу, зачал, значит». Но был один момент, странный. Вася пришёл к нему — то ли исповедоваться, то ли просто так, зашёл и молчит. Стоит у двери, в дальний угол смотрит, на отца Михаила — ни разу. А крест у Михаила большой, железный, кованый ещё прадедом. И вот Вася поднял руку. Палец дрожит. И показал на крест — тихо так, осторожно, издалека, не касаясь, как будто к горячей печке тянется и боится обжечься. — Убери его, — попросил тихо. Почти вежливо.

И вот тут святой отец всё понял. Но не стал сразу делать выводы о том что происходит с ним как бы наблюдал за ним собирал инфу как ведет себя и остальное может другие что видели.

А потом местная доярка Машка с соседнего дома тоже заметила странности в Васе. Она прибежала ко мне прямо с фермы, фартук в навозе, волосы из-под платка выбились, глаза круглые:

— Димон, ты не поверишь! Я у Васьки на крыльце молит-

ву нашла. Порванную. И не просто порванную — истоптанную. Будто он по ней ногами топтал. А ведь раньше он ходил, исповедовался, даже свечки ставил, если совесть грызла... А тут такое! Я удивился. Честно. Стою, слушаю, а в голове крутится: странно, конечно, он себя ведёт. Может, снова пить начал? Хотя он вроде бросил... Всё это не складывалось. — Неужто бес вселился? — шепчет Машка, крестится торопливо. — да нет, не может быть. У нас-то... Если только он в городе подцепил.

И я тоже думал об этом, пока шёл к отцу Михаилу. Думал о том, что сейчас делает святой Михаил.

Пришёл я к нему, а он, по классике, сидит, что-то читает, бумаги перебирает. Я помялся у порога, потом выпалил про Васю. Отец не стал упираться. Сразу понял, о чём речь.

— Идём, — говорит. — Посмотрим.

Мы пошли к Васе. Встретили его у дома. И вот тут ещё одна странность: у него всегда был бардак, бутылки по углам, тряпки кучей, пыль лежала годами. А тут он убирался. Ходил по комнате, вытирал пыль тряпкой, будто и правда домохозяйкой устроился. Только движения у него были не свои: слишком ровные, слишком аккуратные, будто он не убирал, а репетировал, как выглядит «нормальный человек».

Мы вошли. Вася так осторожно глянул на священника, будто боялся его. Сел на кровать, сжался, руки между колен зажал. Отец подсел к нему, спокойно так, без напора:

— Вася, за тобой начали происходить странности. Ты да-

же пить бросил, я смотрю, совсем помолодел... Отец начал смотреть ему в глаза, а Вася всячески отворачивался, прятал взгляд, будто боялся, что в нём что-то прочитают.

Тогда отец перешёл к делу. Не стал тянуть: — Смирись, Вася, и скажи правду: что с тобой происходит?

Вася вдруг резко встал, будто пружина внутри щёлкнула. — Всё нормально, ребята! Я не болею! — голос у него звучал ровно, но слишком громко, как будто он сам себя уговаривал.

Отец нахмурился. Он уже не сомневался. Попросил его покаяться, рассказать, что на душе.

— Нет! Нет! — вдруг выкрикнул Вася, изогнулся, будто его скрутило, и тут же выпрямился, как по струнке. — Ничего не надо!

И вышел из дома, хлопнув дверью так, что стёкла в раме задребезжали.

Мы с отцом переглянулись.

— Неужто демон вселился в Ваську? — тихо спросил отец, будто не мне, а самому себе.

А потом повернулся ко мне:

— Димон, возьми колбу и налей святой воды. Проверим его, так сказать, на вшивость.

Сказал, что встретимся у него в церкви. И мы разошлись на время.

Я забежал в церковь к святому отцу, хотел налить святой воды. Но её не было. Как так? — подумал я. Она же была

в большой дубовой бочке, отец сам её вчера доливал, я ещё видел, как он ковшом черпал, и вода была прозрачная, будто сквозь серебро процеженная. Я подбежал, повернул бочку — и увидел лужу на полу, тёмную, маслянистую, будто не вода вовсе, а что-то густое. А потом и вовсе дыру: кто-то пробил дно чем-то острым, железным, края были рваные, будто топором рубанули, но не с размаху, а хитро, по касательной, чтобы вода не хлынула сразу, а сочилась капля за каплей.

«И как мы теперь проверим Васю на предмет вшивости?» — вспомнились слова отца Михаила. Я не знал, что делать, и от этой пустоты в бочке стало как-то особенно холодно, будто вместе с водой из церкви вытекло всё спокойствие.

Выходя на улицу, я увидел Васю — он убегал от церкви, пригнувшись, будто боялся, что в него камнем кинут, и плечи у него дёргались, как у загнанного пса. — Вот же паразит! — крикнул я. — Вася, иди сюда! Он только махнул рукой, не оборачиваясь, и побежал дальше, спотыкаясь о кочки, будто земля сама его не держала.

«Это он пробил бочку, — вдруг дошло до меня. — Специально. Чтобы у нас ничего не было». И от этой мысли внутри всё сжалось: не пьяный мужик чудит, а кто-то умный и злой ломает то, что нас защищает. Я не стал за ним гнаться — один я его не пойму и не поймаю. Пошёл искать святого отца. По пути мы как раз пересеклись. Он стоял у

калитки, сжимал в руке железный крест так, что костяшки побелели, и смотрел куда-то в сторону леса, будто прислушивался к тишине. — Ну всё, Димон, — сказал отец Михаил, голос у него был твёрдый, без прежней усталости, будто он сбросил с плеч всё лишнее и остался только с делом. — Пошли ловить этого демона. Машка мне только что про молитву рассказала. Сейчас начнём изгнание. Ты воду взял?

— Там кто-то бочку пробил, — выдохнул я. — Вся вода вытекла... А от церкви как раз уходил Вася. Отец на секунду прикрыл глаза, будто удерживая ругательство, и только тихо процедил:

— Нельзя сквернословить... Но вот же паразит. Точно демон. Надо поймать.

И мы пошли. Не как на прогулку, а как на охоту — шаг в шаг, прислушиваясь к каждому скрипу калитки, к каждому вороньему крику.

По дороге встретили местного тракториста Санька. Он курил у своего трактора, шурился на солнце, и сигарета у него в пальцах дрожала, будто мотор на холостых.

— Санёк, ты Васю не видел? — спросил отец.

— Видел, — кивнул он. — Только вёл он себя странно. Весь бледный, будто из него кровь выкачали. Торопился куда-то, как будто за ним волки бегут.

— Походку запомнил? — быстро спросил отец. — да, — хмыкнул Санёк. — Косолапил, будто в штаны наложил. Ну, смешно, конечно... — и он коротко хохотнул, но смех вышел

сухим, как ветка хрустнула.

А я подумал: «Смешно, да. Но тут демон шастает, нам не до шуток». И ещё подумал, что Санёк хоть и смеётся, а сам всё равно отошёл от трактора на шаг, будто хотел быть ближе к дороге, ближе к людям.

Отец не стал смеяться. Он только кивнул, будто сверял показания, и посмотрел на землю, где ещё виднелись свежие следы — неровные, с провалами, будто человек шёл и каждый шаг ему давался тяжело.

— Значит, он ещё здесь, — тихо сказал он. — Не ушёл. Просто прячется. И торопится. А тот, кто торопится, ошибается.

Мы пошли дальше.

Деревня кончилась резко — будто кто-то провёл ножом по земле: за последней избой сразу начинался лес, плотный, тёмный, будто собранный из одних теней. Мы с отцом Михаилом шагнули туда, и воздух сразу стал другим — густым, холодным, с запахом прелой хвои и чего-то старого, будто сама земля тут помнила всё, что когда-то случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.